

■ ■ ■ Ценностная модель политических коммуникаций российской элиты в конфликтной и девиантной полисубъектной среде

Степанов К. В.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Аннотация. В статье на основании результатов комплексного политологического анализа обосновывается, что в современной социально-политической реальности становление многополярного мира, проблема эффективности политических коммуникаций тесно связаны с потенциалом политико-административных властных элит. Коммуникативные качества современного политика усиливаются ценностно-цивилизационными и морально-нравственными параметрами, способностью стратегического видения и умением поддерживать цивилизационно-ценностный дискурс в политико-экономической системе и направлять его в русло устойчивого опережающего развития общества. Это, в свою очередь, предполагает анализ и разработку как параметров диагностики качества современных российских политико-административных элит, их морально-профессиональной адекватности и профпригодности, так и актуализацию и решение проблемы девиаций на лидерско-элитном уровне политической власти. Автор приходит к заключению, что формирование ценностной модели политических коммуникаций российской элиты требует всестороннего рассмотрения системы управления на основе конкретным ценностей (включающая менеджмент публичных ценностей), выявления и позиционирования публичных ценности как детерминант социально-политического развития, разработки механизмов противодействия ценностной деградации и маргинализации национальных элит, с учетом склонности представителей власти к выявлению внутреннего и внешнего врага на предыдущих этапах развития, а также к некритическому заимствованию чуждых российскому культурно-цивилизационному коду образцов демократии и имиджевой имитации элитных качеств.

Ключевые слова: политическая элита, политические коммуникации, девиантология, модели политических коммуникаций, полисубъектная среда

Для цитирования: Степанов К.В. Ценностная модель политических коммуникаций российской элиты в конфликтной и девиантной полисубъектной среде // Коммуникология. 2024. Том 12. № 3. С. 138-149. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-3-138-149.

Сведения об авторах: Степанов Константин Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Южного федерального университета. Адрес: 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42. E-mail: kstepanov@sfedu.ru.

Статья поступила в редакцию: 14.07.2024. *Принята к печати:* 22.09.2024.

Конфликт интересов: отсутствует.

Введение. Актуальность исследования политических коммуникаций, их субъектно-элитной составляющей в контексте ценностной парадигмы управления и девиаций политико-административных элит, в настоящее время интенсивно возрастает. «Политические ценности все более становятся объектом внимания и рассматриваются не только как представляющие систему убеждений и предположений, определяющих видение политической партией лучшего общества, но и как инструменты политической коммуникации» [White, Ypi]. Баклер и Доловиц отмечают, что «ссылки на политические ценности в речах часто играют ключевую роль в том, как партии риторически позиционируют себя в противовес своим конкурентам» [Buckler, Dolowitz].

Глобализация и кризисы современности интенсифицируют процессы расслоения и дифференциации общества в мировом масштабе, обостряют проблемы социально-политического неравенства, девиаций элит и общества, а также создают конфликт элит на национальных и транснациональных (глобальных) уровнях. В своей книге «Властная элита» социолог Ч. Миллс [Mills] описал властную элиту как небольшую группу богатых и влиятельных людей на вершине общества. Властная элита «непропорционально контролирует власть и ресурсы. Богатые руководители, политики, знаменитости и военные часто имеют доступ к национальной и международной власти, и в некоторых случаях их решения влияют на всех в обществе. Из-за этого правила общества складываются в пользу немногих привилегированных, которые затем манипулируют ими, чтобы сохранить свои позиции. Именно эти люди решают, что является преступлением, а что нет, и последствия часто сильнее всего ощущаются теми, у кого мало власти. Теории Миллса объясняют, почему знаменитости, такие как Крис Браун и Пэрис Хилтон, или некогда могущественные политики, такие как Элиот Спитцер и Том Дилэй, могут совершать преступления и практически не понести юридического возмездия»¹.

«Мировые процессы глобализации сопровождаются глобализацией различных девиантных проявлений (прежде всего, организованной преступности, коррупции, торговли людьми, торговли наркотиками, терроризма) и социального контроля над ними (Интерпол, Европол, соответствующие международные соглашения и т.п.)» [Гишинский: 9]. Соответственно, возникает теоретическая и практическая необходимость выявления механизмов, препятствующих негативным девиациям на уровне государства и гражданского общества, переопределения с позиции междисциплинарного подхода границ социально-политической нормы и патологии, качественных критериев политической элиты, адекватной вызовам современности и актуальной для России задачи суверенизации на платформе национального согласия и традиционных ценностей².

¹ Conflict Theory and Deviance // NSCC Libraries Pressbooks [el. source]: <https://pressbooks.nsc.ca/lumensociology2/chapter/conflict-theory-and-deviance/> (accessed 28.05.2024).

² См. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Методология. Становление ценностной парадигмы политических коммуникаций происходило в рамках постнеклассической парадигмы науки, которая принимает во внимание не только субъектно-объектные позиционирования и взаимодействия, но и субъект-субъектные, обусловленные общей ко-эволюцией и саморазвивающейся средой. К. Халлахан и соавторы выделяют политическую коммуникацию как подотрасль стратегических коммуникаций, которая направлена на достижение «политического консенсуса или согласия по важным вопросам, связанным с осуществлением политической власти и распределением ресурсов в обществе» [Hallahan et al.].

«Ключевой для управления становится, на наш взгляд, парадигма «субъект – саморазвивающаяся полисубъектная среда» («субъект – метасубъект») [Мапп: 74]. «Полипредметное взаимодействие определяется как форма прямого взаимодействия между субъектами, допускающая взаимную причинность, которая представляет собой особую степень близости и наиболее благоприятное условие для развития и формирования особой сущности, называемой полисубъектом. Полипредмет рассматривается как целостная динамическая сущность, отражающая единство предметов, являющихся частью субъект-субъектных отношений. Сущность полисубъектности выражается в их творческих возможностях, способности размышлять о системе отношений между предметами, в формировании общего смыслового пространства, а также в возможности преобразовывать окружающую среду и самих себя и действовать как целостный субъект, развивая субъект-субъектные отношения с другими субъектами» [Vachkov].

В политической проекции это явилось теоретико-методологическим основанием для разработки концепций и политических технологий формирования и деструкции политической субъектности посредством управления полисубъектными саморазвивающимися средами. Так, например, технология «управляемого хаоса»¹ многократно применялась Западом по отношению к странам бывшего социалистического лагеря и постсоветского пространства для организации «цветных революций», а также в целях создания деструкции ценностно-цивилизационного своеобразия стран.

В результате, в странах – объектах применения технологии организованного хаоса – активизировались центробежные процессы социального расслоения и дифференциации, нарастали конфликтогенные факторы, связанные с маргинализацией некоторых групп населения и элит, что негативно сказывалось на качестве управляющих элит и управляемости социально-политической системы, возможностях консенсуса в обществе и легитимации политической власти.

¹ Общество в поисках справедливости // ВЦИОМ. Новости, 02 августа 2023 [эл. ресурс]: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvo-v-poiskakh-spravedlivosti> (дата обращения: 27.02.2024).

«Идеи К. Маркса, А. Кетле, Ф. Турати, Р. Мертон, Я. Тэйлора о роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности и различных девиантных коммуникаций подтверждаются современными эмпирическими исследованиями. А проблема *inclusion / exclusion*, впервые поднятая французскими социологами в 60-е-70-е годы минувшего века, приобрела особое значение для девиантологии. «Исключенных» (стран и групп населения) из активной экономической, политической, социальной, культурной деятельности становится все больше. Разрыв между «включенными» и «исключенными» – все глубже» [Гилинский: 10].

Тем не менее, применительно к России, попыткам отменить русскую культуру не суждено сбыться. Так, «Лидеры культурной ассоциации “Друзья Великой России” (Amici Della Grande Russia) в Италии считают, что западная политика уничтожения русской культуры в Европе окончательно провалилась. Более того, она была обречена на провал с самого начала. Например, этот факт можно проиллюстрировать на примере текущих событий в главном театре Италии, который с завидным постоянством включает в свой репертуар произведения российских авторов. Театр Ла Скала (Teatro alla Scala) в Милане и по сей день продолжает предлагать в своей программе постановки с участием российских исполнителей и режиссеров» [Shelyapina].

Политическая некорректность западных «культурных установок отмены», создание конформизма и тщательное избегание форм выражения мнений или действий исключают, маргинализируют и/или оскорбляют людей, сообщества и целые страны. В современном англоязычном обществе культура отмены, по сути, культура страха и «оруэлловская полиция мышления и языка» стали широко распространенными.

Данные опросов общественного мнения. Для России применение к ней со стороны коллективного Запада обозначенной технологии деструкции политической субъектности посредством хаотизации внутренних сред является особенно опасным, поскольку ее евразийская (коллективно-традиционная, с элементами культуры гражданского участия) ценностно-цивилизационная матрица и традиции персонификации российской власти требуют высокой степени политической субъектности. Представителям управляющих элит и политических лидеров также требуются способности эффективно решать национальные проблемы в условиях кризиса. Актуальные опросы общественного мнения, подтверждают социальный запрос народа к власти на базе таких традиционных ценностей как социальная справедливость, порядок, материальное благополучие. «Сегодня, как и десять лет назад, россияне видят социальную справедливость, прежде всего в правовом поле, в равенстве всех перед законом – 36%, каждый третий (2013 г. – 36%). Еще 20% считают, что социальная справедливость заключается в том, чтобы положение каждого определялось результатами его труда (+8 п.п. к 2013 г.). Почти столько же видят ее в экономическом равенстве – в том, чтобы уровень жизни всех граждан был примерно одинаковым, не было ни богатых, ни бедных

(19%, 2013 г. – 20%)»¹. Примечательно при этом, с точки зрения характеристики противоречивости и степени развития общественно-политического сознания, что «реже наши соотечественники связывают социальную справедливость с равными возможностями развивать свои способности (8%, – 5 п.п. к 2013 г.) и с гарантиями для социально незащищенных, с социальной ответственностью богатых (6%, – 5 п.п. к 2013 г.)»².

Указанные данные можно интерпретировать как актуальное свидетельство противоречивости, недостаточного уровня развития гражданского самосознания россиян и необходимость повышения консенсуальности элиты и общества. Вместе с тем, в соответствии с ценностной моделью политических коммуникаций российской власти, сформированной на основе теорий национальной системы управления, российское общество объединяется вокруг фигуры общенационального политического лидера. Это подтверждают высокие рейтинги доверия Президенту России В.В. Путину в условиях проведения спецоперации на Украине и усиливающегося западного санкционного давления. Так, согласно опросам ВЦИОМ, рейтинг Владимира Путина в электоральных предпочтениях Россиян стабильно растет: «8 февраля 2024 года – 75%, 15 фев. 2024 года – 79%»³. «Уровень поддержки решения о проведении специальной военной операции в феврале 2024 г. составил 68% (+3 п.п. к 2022 г.)»⁴. Также демонстрируется поддержка цивилизационного проекта России как великой державы. Данные опросов показывают, что внешняя и внутренняя политика действующей власти «в целом устраивает» население. На вопрос: «В какой мере Вас устраивает внешняя политика, которую проводят власти нашей страны?» ответы респондентов были следующими (в целом устраивает): 31.10.2023 – 56%, 30.11.2023 – 56%, 31.12.2023 – 60%, 31.01.2024 – 60%»⁵. Ответы на вопрос «В какой мере Вас устраивает внутренняя политика нынешних властей?» Ответы расположились следующим образом: 31.10.2023 – 44%, 30.11.2023 – 43%, 31.12.2023 – 46%, 31.01.2024 – 47%»⁶.

Эти результаты дают основание утверждать, что имеется большой потенциал укрепления ценностной модели политических коммуникаций российской элиты в девиантной полисубъектной среде. Ретроспективный анализ российского элитогенеза и моделей управления позволяет выявить определённые корреляции

¹ Выборы-2024 // ВЦИОМ. Новости, 15 февраля 2024 года [эл. ресурс]: <https://wciom.ru/ratings/vybory-2024> (дата обращения: 27.02.2024).

² Там же.

³ Специальная военная операция: два года спустя // ВЦИОМ. Новости, 24 февраля 2024 [эл. ресурс]: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-spustja> (дата обращения: 27.02.2024).

⁴ Оценка властей // ВЦИОМ. Новости, январь 2024 [эл. ресурс]: <https://wciom.ru/ratings/ocenka-vlastei/> (дата обращения: 27.02.2024).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

между ценностно-мотивационным фундаментом отечественных элит, степенью их девиантности и эффективностью российской внутренней и внешней политики.

Обсуждение. С точки зрения постнеклассической парадигмы в науке и модели управления по ценностям, ведущими формирующими полисубъектными средами выступают культура, ценностно-цивилизационная матрица и культурно-цивилизационный код конкретной социально-политической общности, страны, государства. Соответственно, для решения проблем эффективности политических коммуникаций, ключевые параметры лидерско-элитного уровня политического управления должны быть адекватными и согласованными с основными параметрами исторически сложившейся ценностно-культурной матрицы страны и целями ее стратегического развития. В противном случае интенсифицируются процессы маргинализации политических элит и деградации социально-политической сферы.

В соответствии с традициями российской власти так называемая «генетическая склонность» национальной системы управления к чередованию мобилизационной и стабилизационной фаз развития [Гаман-Голутвина 2004], в начале XX-го века была представлена политикой и действиями элиты большевиков, объединенной идеями марксизма-ленинизма и социалистической революции. Как считают многие политологи, деградация ценностно-мотивационного фундамента дореволюционных дворянских элит, превращение элиты заслуг в элиту привилегий, утратившей связь с интересами народа и государства Российской привели Российскую империю к кризису и радикальной смене власти в результате Революции 1917 года [Прохоров].

С одной стороны, государственное строительство советской России, проводившееся политической элитой под лозунгами народного государства, власти рабочих и крестьян и т.д., отражала патриотический настрой молодой советской элиты, задачу превращения России в сверхдержаву – СССР, а с другой стороны – реальная практика большевизма (ленинизма, далее – сталинизма), как справедливо указывают многие политологи, характеризовала такие качества советской элиты мобилизационной стадии развития как прожектерство, борьба за абсолютную власть, расправы над политическими оппонентами и т.д. [Гаман-Голутвина 2011; 2016].

Следует отметить, что в кризисные этапы развития России на уровне элит и общества была широко распространена такая девиация как репрессивное сознание [Гилинский], выливающееся в разнообразные формы ксенофобии и жестоких расправ над «иными», «чужими», «врагами». В кризисных ситуациях ненависть, недоверие, неприятие к «чужим» значительно увеличивается, а с ними возрастает и репрессивная политика власти, как ответ на преступления на почве ненависти и ксенофобные настроения в обществе. В таких случаях в политике нередко используется образ внешнего и внутреннего врага для легитимации насилия и мобилизации общества для борьбы с внешними и внутренними угрозами.

К сожалению, исторический анализ «политических чисток» и репрессий в различных странах показывает высокую вероятность использования репрессивного сознания в целях завоевания и удержания власти политической элитой, а также укрепления принципа единоначалия и авторитарного правления политическими лидерами. Механизмами предотвращения развития обозначенной девиации объективно можно считать профилактику и предотвращение социально-политического кризиса, ведущего к расслоению и маргинализации общества по социально-экономическим и ценностно-культурным показателям, увеличению разрыва между элитой и большинством населения.

С учетом мирового и отечественного исторического опыта с социально-психологической точки зрения, механизмом противодействия девиации репрессивного сознания в России должно стать постоянное поддержание и развитие в сознании таких приоритетов «социального общежития» и политическое соперничество как толерантность, мультикультурализм, многонациональность, космополитизм, честная конкуренция и т.д. Все это требует соблюдения баланса между национальными и интернациональными, общечеловеческими и частными интересами и ценностями, «своим» и чужим», поскольку чрезмерный космополитизм и толерантность, как показывает исторический опыт не только России, но и объединённой Европы, ведет к размыванию национальных границ, утрате национальной идентичности и традиционных ценностей, как основы устойчивости развития национальных государств как локальных цивилизаций.

Ретроспективный анализ российской социально-политической действительности подтверждает, что на этапе восстановления социально-политической системы в фазах стабилизации и стагнации развития, политическая элита советской России трансформировалась в многочисленный класс партийно-номенклатурной бюрократии, девиантными проявлениями которой в обозначенный период становилась коррупция, стремление к привилегиям, сохранению властно-статусных позиций и личному обогащению. Ценностную модель политических коммуникаций российской элиты в отмеченных этапах развития можно обозначить как командно-административную, вертикальную, репрессивную по отношению к неэлитным слоям и народным лидерам, выдвинувшимся на этапе мобилизации социально-политической системы на меритократических основаниях.

В результате приватизации, проводимой в стране в 90-х годах XX века, начались процессы конвертации власти в собственность, а также – собственности во власть, которая открыла доступ к политическому управлению для представителей крупного бизнеса, развертыванию теневых коррупционных, криминально-олигархических схем управления страной. Особенно ярко данный процесс проявился на региональном уровне, на котором криминальный тандем партийной номенклатуры и бизнеса, сопровождал процессы сепаратизма и межнациональные этнические конфликты [Понеделков, Старостин]. Соответственно, в качестве организации противодействия обозначенным центробежным девиационным тенденциям трансформации российских элит, президентом В. В. Путиным в начале

2000-х годов была реализована стратегия централизации исполнительной власти, укрепления административно-бюрократической вертикали.

Любая стратегия органов власти базируется на модели коммуникаций, направленные не только на информирование заинтересованных сторон о намерениях властных структур, но и являются стратегическим актом, направленным на «символическое создание и проецирование определенного имиджа организации» [Cornelissen]. Другими словами, представители властной элиты сообщая о приверженности определенным ценностям, отражают то, как они хотели бы, чтобы они воспринималась ключевыми заинтересованными сторонами.

Следует отметить, что современные политические элиты, к сожалению, демонстрируют высокую степень девиантности, если под элитой понимать адекватную задачам управления по ценностям высокопоставленную часть общества, профессионально осуществляющую власть в национальных интересах большинства.

Многим представителям российской элиты свойственна «ориентация на нормы политической жизни и образцы поведения западных элит. Быстрое усвоение методов и технологий продвижения в элиту и формирования элитарных личностей, сориентированных на политическую культуру активного участия, стиль жизни, присущий обществу массового потребления и массовой культуры. Все это вместе взятое создает неповторимый облик российских политиков, которые ни на кого в мире не похожи» [Пушкарева: 167].

Вместе с тем, как показывают исследования последних лет, в современном российском обществе наметились позитивные тенденции профессионализации и патриотизации административно-политических элит, которые могут стать основанием для консолидации элиты общества и реализации проекта России как суверенного процветающего государства на платформе традиционных ценностей и его уникального евразийского культурно-цивилизационного кода.

«Среди факторов, обусловивших продуктивное развитие элитологии, на наш взгляд, следует, прежде всего, выделить объективное возрастание роли и влияния элит на политические процессы в российском социуме». Эта тенденция весьма рельефно проявилась в России в значительном масштабе: в постсоветский период элиты – политические и экономические – предстали важнейшим актором отечественного политического процесса постсоветской России¹. В настоящее время, в связи с реализацией концепции консервативной модернизации и позиционированием России на высшем государственном уровне в качестве государства-локальной цивилизации евразийского типа [Лепский], значимость лидерско-элитной составляющей и необходимость своевременной теоретико-методологической и мониторинговой поддержки российского элитогенеза многократно возрастает. Особенно это актуально в связи с изменением цивилизационного контекста после 2014 года, когда конфликт в коллективном Западом и его

¹ Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности РФ» № 400 от 02.07.2021.

агрессивная политика потребовала от российских элит качественно новых параметров, связанных с их способностью отстаивать интересы страны и осуществлять стратегические проекты суверенного развития, опираясь на единство российской истории и культуры, традиционные и актуальные публичные ценности.

Интенсификация цивилизационно-ценностного дискурса в социально-политических науках и публичном дискурсе власти, связанная, прежде всего, с современными процессами государствообразования и суверенизации в условиях формирования нового многополярного мира, а также с необходимостью переосмысления негативного опыта заимствования цивилизационно чуждых образцов политического управления, поиска эффективных аутентичных моделей модернизации.

Выводы. Итак, в современных социально-политических науках и социально-политической реальности проблема эффективности политического управления тесно связана с проблемой качества политико-административных властных элит, их ценностно-цивилизационными и морально-нравственными параметрами, способностью формирования и реализации стратегических коммуникаций, эффективно поддерживать баланс политико-экономической системы и направлять ее в русло устойчивого опережающего развития на основе легитимности и консенсуса общества и власти. Это, в свою очередь, предполагает разработку и анализ, как параметров диагностики качества современных российских политико-административных элит, их морально-профессиональной адекватности и профпригодности, так и актуализацию и решение проблемы девиаций лидерско-элитного уровня политической власти. Объективный процесс геополитической трансформации и социально-экономического кризиса, разворачивающийся в условиях современной реалии, характеризуется кризисом социально-политического управления и поиском новых эффективных моделей развития национальных государств.

Процесс дифференциации и полиархизации [Даль] политической власти, сопровождается формированием многочисленных центров публичной политики, изменением роли государства, технологий политического менеджмента в управлении страной и регионами.

Эволюция ценностно-ориентированных моделей политических коммуникаций российской элиты в девиантной полисубъектной среде является отражением процесса аксиологического поворота в экономике и политике, междисциплинарного развития теории организации и корпоративного управления на базе единства цивилизационной матрицы.

Для того, чтобы на элитном уровне управления страной успешно формировалась ценностная модель политических коммуникаций российской элиты на основе управления по ценностям, необходимо выявлять и позиционировать публичные ценности как детерминанты социально-политического развития, разрабатывать механизмы противодействия ценностной деградации и маргинали-

зации национальных элит, принимать во внимание и корректировать «генетическую склонность» российской власти к использованию репрессивного сознания, образа внутреннего и внешнего врага в политической борьбе и устранении инакомыслящих, а также к некритическому заимствованию чуждых российскому культурно-цивилизационному коду западных образцов демократии, имиджевой имитации элитных качеств.

Источники

- Гаман-Голутвина О.В. (2004). Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I) // Полис. Политические исследования. № 2. С. 6-19.
- Гаман-Голутвина О.В. (2011). Система государственного управления РФ как инструмент антикризисной политики: оценка эффективности // Элиты и общество в сравнительном измерении. М.: РОССПЭН.
- Гаман-Голутвина О.В. (2016). Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. №. 2. С. 38-73.
- Гилинский Я. (2012). Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире». Сборник статей. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс».
- Даль Р.А. (2010). Полиархия: участие и оппозиция. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики.
- Лепский В.Е. (2015). Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: «Когито-Центр».
- Понеделков А.В., Старостин А.М. (2023). Элитогенез и элитное позиционирование в контексте формирования новых властных порядков. Очерки политической элитологии. Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИУ РАНХиГС.
- Прохоров А.П. (2002). Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал Эксперт».
- Пушкарева Г.В. (2018). Менеджмент публичных ценностей: можно ли говорить об аксиологическом повороте в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. № 68. С. 312-329.
- Buckler S., Dolowitz D. (2012). Ideology matters: Party competition, ideological positioning and the case of the conservative party under David Cameron. *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 14. No. 4. P. 576-594.
- Cornelissen J. (2014). Corporate communication: A guide to theory and practice. London: Sage.
- Hallahan K. et al. (2007). Defining strategic communication. *International journal of strategic communication*. Vol. 1. No. 1. P. 3-35.
- Jakobsen S.B. (2015). The value of political values: An exploration into the communication of political values by coalition government parties: Author's thesis. Aarhus.
- Mann S.R. (1992). Chaos theory and strategic thought. *Parameters*. Vol. 22. No. 3. P. 54-68.
- Mills C. (2000). The Power Elite. Oxford: Oxford University Press.
- Vachkov I. (2014). Polysubject interaction in instructional environment. *Psychology. Journal of Higher school of Economics*. Vol. 11. No. 2. P. 36-50.
- White J., Ypi L. (2010). Rethinking the modern prince: partisanship and the democratic ethos. *Political Studies*. Vol. 58. No. 4. P. 809-828.

■ ■ ■ Value Model of Political Communications of the Russian Elite in Conflictual and Deviant Polysubject Environment

Stepanov K.V.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Abstract. The article, based on the results of a comprehensive political analysis, substantiates that in the modern socio-political reality, the formation of a multipolar world, the problem of the effectiveness of political communications are closely related to the potential of political and administrative power elites. The communicative qualities of a modern politician are enhanced by value-civilizational and moral parameters, the ability of strategic vision and the ability to maintain civilizational and value discourse in the political and economic system and direct it towards sustainable advanced development of society. This, in turn, involves the analysis and development of parameters for diagnosing the quality of modern Russian political and administrative elites, their moral and professional adequacy and aptitude; so is the actualization and solution of the problem of deviations at the elite level of political power. In order to form a value model of political communications of the Russian elite, it is necessary to comprehensively consider management systems based on specific values (including management of public values), identify and position public values as determinants of socio-political development, develop mechanisms to counteract the value degradation and marginalization of national elites, take into account the propensity of the Russian government to identify internal and external enemies in the previous stages of development, and also to the uncritical borrowing of the models of democracy alien to the Russian cultural and civilizational code, and the image imitation of elite qualities.

Keywords: political elite, political communications, deviantology, models of political communications, polysubject environment

For citation: Stepanov K.V. (2024). Value model of political communications of the Russian elite in conflictual and deviant polysubject environment. *Communicology (Russia)*. Vol. 12. No. 3. P. 138-149. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-3-138-149.

Inf. about the author: Stepanov Konstantin Vladimirovich – CandSc (Law), associate professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Southern Federal University. Address: 344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42. E-mail: kstepanov@sfnedu.ru.

Received: 14.07.2024. *Accepted:* 22.09.2024.

References

- Buckler S., Dolowitz D. (2012). Ideology matters: Party competition, ideological positioning and the case of the conservative party under David Cameron. *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 14. No. 4. P. 576-594.
- Cornelissen J. (2014). Corporate communication: A guide to theory and practice. London: Sage.
- Dahl R.A. (2010). Polyarchy: participation and opposition. Moscow: Publishing House of the State University – Higher School of Economics (in Rus.).

- Gaman-Golutvina O.V. (2004). Regional elites of Russia: personal composition and evolutionary trends (I). *Polis. Political Studies Journal*. No. 2. P. 6-19 (in Rus.).
- Gaman-Golutvina O.V. (2011). The system of public administration of the Russian Federation as an instrument of anti-crisis policy: assessment of effectiveness. In: *Elites and society in comparative measurement*. Moscow: ROSSPEN (in Rus.).
- Gaman-Golutvina O.V. (2016). Political elites as an object of research in domestic political science. *Political Science*. No. 2. P. 38-73 (in Rus.).
- Gilinsky Y. (2012). Deviance, Crime and Social Control in the "New World". Collection of Articles. SPb: Alef-Press (in Rus.).
- Hallahan K. et al. (2007). Defining strategic communication. *International journal of strategic communication*. Vol. 1. No. 1. P. 3-35.
- Jakobsen S.B. (2015). The value of political values: An exploration into the communication of political values by coalition government parties: Author's thesis. Aarhus.
- Lepskiy V.E. (2015). Evolution of ideas about management (methodological and philosophical analysis). Moscow: Cogito-Center (in Rus.).
- Mann S.R. (1992). Chaos theory and strategic thought. *Parameters*. Vol. 22. No. 3. P. 54-68.
- Mills C. (2000). *The Power Elite*. Oxford: Oxford University Press.
- Ponedelkov A.V., Starostin A.M. (2023). Elite genesis and elite positioning in the context of the formation of new power orders. *Essays on political elitology*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Russian University of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (in Rus.).
- Prokhorov A.P. (2002). Russian management model. Moscow: Journal Expert (in Rus.).
- Pushkareva G.V. (2018). Public Values Management: Is It Possible to Talk About an Axiological Turn in Public Administration. *Public Administration. E-journal (Russia)*. No. 68. P. 312-329 (in Rus.).
- Vachkov I. (2014). Polysubject interaction in instructional environment. *Psychology. Journal of Higher school of Economics*. Vol. 11. No. 2. P. 36-50.
- White J., Ypi L. (2010). Rethinking the modern prince: partisanship and the democratic ethos. *Political Studies*. Vol. 58. No. 4. P. 809-828.